

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Периодическое издание

Выпуск № 7

2021 год

ISSN 2587-6023

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

МАКЕЕВКА

2021 год

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия» приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «Правовая позиция».

Основное заглавие: **Правовая позиция**

Место издания: **г. Макеевка, Донецкая Народная Республика**

Параллельное заглавие: **Legal position**

Формат издания: **электронный журнал в формате pdf**

Языки издания: **русский, украинский, английский**

Периодичность выхода: **1 раз в месяц**

Учредитель периодического издания: **ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»**

ISSN: 2587-6023

Редакционная коллегия издания:

1. Сынова Елена Михайловна – доктор юридических наук, профессор, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
2. Моисеев Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».
3. Лукина Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
4. Кинаш Ярослав Иванович – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
5. Горбатый Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
6. Терзи Елена Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
7. Рыжкова Елизавета Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
8. Губарь Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
9. Герасименко Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
10. Смирнов Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе ДНР»
11. Завгородняя Анастасия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»
12. Пефтиев Олег Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ГОУ ВПО «Университет экономики и торговли им.Михаила Туган-Барановского)
13. Балко Елена Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия».
14. Мурашев Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, ВНИИ МВД России (г. Москва).
15. Сирик Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», филиал в г. Тихорецке.
16. Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».
17. Вестов Федор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Выходные данные выпуска:

Правовая позиция. – 2021. – № 7 (19).

ISSN 2587-6023

**ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ»**

**Раздел «Конституционное право, конституционный
судебный процесс, муниципальное право»**

Стр. 5 Мохов А.Ю.

*Конституционный контроль и конституционное судопроизводство: к
содержанию понятий*

**Раздел «Гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право»**

Стр. 13 Царев М.А.

Legal design в современных правоотношениях: вопросы применения

Раздел «Трудовое право, право социального обеспечения»

Стр. 17 Криндач А.Г., Буруян А.В.

Прокуратура как субъект надзора за соблюдением трудового законодательства

**Раздел «Уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право,
уголовный процесс»**

Стр. 24 Кинаш Я.И.

*Добровольный отказ от незаконного сбыта наркотических средств по
законодательству ДНР в сравнении с законодательством РФ*

Стр. 30 Мантурова Е.Е.

*Проблемы хранения вещественных доказательств в уголовном
судопроизводстве*

Стр. 36 Махлай Е.Ю.

Допустимость доказательств в российском уголовном процессе

Раздел «Международное право, Европейское право»

Стр. 42 Голомах Р.В.

Правовые стандарты защиты права на жизнь в международном праве

УДК 342.565.2

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ И КОНСТИТУЦИОННОЕ
СУДОПРОИЗВОДСТВО: К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЙ**

*Мохов Артем Юрьевич, Волгоградский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград*

E-mail: aumohov@mail.ru

Аннотация. В статье обозначаются основные теоретические подходы к определению категорий «конституционное судопроизводство» и «конституционный контроль». Разделение данных понятий представляется особенно важным в контексте деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, наличия у этого судебного органа специфических полномочий, выходящих за пределы «классического» содержания судебной деятельности. Придание Конституционному суду функций в правотворческой деятельности, обеспечении согласованного исполнения Основного закона органами и должностными лицами публичной власти предопределяют наличие в науке позиции о квазисудебном характере работы Суда. Однако, по мнению автора, наличие как внешних факторов (статуса и гарантий судей, приведение судьи к присяге), так и предоставление права рассматривать жалобы о нарушении конституционных прав и свобод отдельных граждан и их объединений позволяют с полной уверенностью указывать на значение Конституционного Суда именно как судебного органа в Российской Федерации. При этом некорректно с точки зрения конструкции нормы ст. 118 Конституции говорить о «конституционном правосудии»; правосудие – это единая цель осуществления судами своей власти вне зависимости от отраслевой принадлежности дела.

Ключевые слова: правосудие, судебная власть, Конституционный Суд, конституционный судебный контроль, конституционное судопроизводство.

Abstract. The article outlines the main theoretical approaches to defining the categories of "constitutional proceedings" and "constitutional control". The separation of these concepts seems to be especially important in the context of the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation, the presence of this judicial body of specific powers that go beyond the "classical" content of judicial activity. Giving the Constitutional Court functions in law-making activities, ensuring the coordinated implementation of the Basic Law by public authorities and officials predetermines the presence in science of a position on the quasi-judicial nature of the Court's work. However, according to the author, the presence of both external factors (the status and guarantees of judges, the swearing of a judge) and the granting of the right to consider complaints about the violation of the constitutional rights and freedoms of individual citizens and their associations make it possible to indicate with full confidence the importance of the Constitutional Court precisely as judicial authority in the Russian Federation. At the same time, it is incorrect from the point of view of the construction of the norm of Art. 118 of the Constitution to talk about

"constitutional justice"; justice is a single goal of the courts exercising their power, regardless of the branch of the case.

Key words: *justice, judicial power, Constitutional Court, constitutional judicial review, constitutional legal proceedings.*

Особый статус Конституционного Суда РФ, наличие у него дополнительных полномочий не только по разрешению конкретных спорных ситуаций, но и в области законотворческого процесса, обеспечения нормального согласованного функционирования всех ветвей и уровней публичной власти, предопределяет необходимость комплексного анализа основных теорий по вопросу о содержании деятельности данного судебного органа, уяснения смысла основных дефиниций при помощи не только изучения конституционного законодательства, но и работ основных представителей теории конституционного права.

Обращаясь к изучению содержания понятия «конституционное судопроизводство», необходимо отметить, что на сегодняшний момент специальное судебное законодательство не даёт определения судопроизводству как специфической форме осуществления государственной власти, реализуемой исключительно судебными органами; нет также и раскрытия содержания отдельных видов судопроизводства. Исследуя содержания соответствующих норм Конституции РФ, можно сделать вывод об отсутствии единого унифицированного определения сущности судопроизводства на уровне Основного закона. Нет единства и в законодательстве стран постсоветского пространства. Проанализировав содержание конституционных актов государств бывшего СССР, С.В. Мирзоев отмечает, что практически во всех конституциях упоминается термин «конституционное судопроизводство» (либо «конституционное производство» в Республике Беларусь), «конституционная юрисдикция» (Республика Молдова), «конституционный надзор при рассмотрении судебных дел» (Эстонская Республика) [1, с. 66].

Аргументированный ответ о содержании категории «конституционное судопроизводство» можно выявить самостоятельно, на основе исследования теоретических источников. Причём необходимо рассмотреть общее содержание судопроизводства, как корневой категории для обозначения порядка рассмотрения любой категории дел, по смыслу главы 7 Конституции РФ.

С.А. Беньяминова, справедливо оценивая многообразие позиций по вопросу о сущности судопроизводства в условиях современной правовой системы Российской Федерации, предлагает выделять два основных содержания данной категории – в зависимости от того, какой из элементов осуществления судебной власти ставится исследователями «во главу угла» – формальное понимание судопроизводства, или же его содержание [2, с. 53]. Так, согласно формальному (либо же процессуальному) содержанию, судопроизводство – это самостоятельный вид юридического процесса, юрисдикционная форма деятельности судов (в том числе и Конституционного Суда РФ) по разрешению конкретных споров; понятия «судопроизводство» и «судебный процесс» обозначаются, в соответствии с данным подходом, как форма и содержание государственно-властной деятельности.

С точки зрения «фактического» подхода, судопроизводство – это разновидность правоохранительной и правоприменительной деятельности, спецификой которой является наделение судов исключительными полномочиями по отправлению правосудия. По мнению Э.С. Каминского, суть судопроизводства состоит в реализации не только частного, но и публичного интереса (нормального порядка осуществления судебной власти как независимой ветви власти государственной) [3, с. 27]. Определяя формальную сторону конституционного судопроизводства, М. С. Саликов указывает, что конституционный судебный процесс – это «установленная нормами Основного и соответствующего Федерального конституционного закона процедура осуществления судопроизводства; конституционный судебный процесс – это форма реализации судопроизводства» [4, с. 25].

Подробно рассматривая административную и конституционную юстицию, Д.Н. Бахрах предлагает рассматривать судопроизводство как один из обособленных элементов процесса реализации права – наряду с созданием правовых предписаний, а также регулятивным правоприменением (непосредственной реализацией исполнительными органами власти законов, издание ими в соответствии с законами локальных актов, контроль за надлежащим исполнением нормативной базы). Судопроизводство (или «юридический процесс»), согласно данному автору – юрисдикционная форма деятельности органов судебной власти; в самом общем виде можно говорить о существовании конституционного, уголовного и гражданского судопроизводств [5, с. 67]. Отграничение видов правореализации, в том числе и судопроизводства, Д.Н. Бахрах предлагает производить в зависимости от того вида решений, который принимается уполномоченным органом власти. Применительно к судопроизводству можно сделать вывод, что оно направлено на создание *решения суда*, т.е., принятие государственно-властного решения по конкретной спорной ситуации на основе оценки фактических обстоятельств, представленных по делу доказательственных материалов, а также квалификации правовой нормы.

В свою очередь, Н.В. Витрук обращает внимание на специфические цели судопроизводства – защита прав граждан и организаций, обеспечение законных интересов личности, общества и государства. Данный исследователь определяет конституционный судебный процесс как специфическую, имеющую обязательный (для всех субъектов правовых отношений) и абсолютный (который может привести в итоге к изменению или отмене законодательного акта) вид судебного контроля. Посредством судопроизводства «происходит осуществление судебной власти процессуальными действиями» [6, с. 25]. С.В. Нарутто указывает на «последовательный характер действий участников отношений в рамках конституционного процесса, установленный порядок принятия решения Конституционным Судом РФ, конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации – это конституционное судопроизводство» [7, с. 22].

При этом в теории конституционного права содержание конституционного судопроизводства рассматривается по-разному – с учётом не только положений Основного закона, но и специального законодательства о судебной системе, ФКЗ «О Конституционном Суде». К примеру, по мнению В.Б. Евдокимова,

конституционное судопроизводство заключается исключительно в «судебном контроле специальных образованных органов правосудия за соблюдением конституционного и принимаемых в соответствии с ним нормативных актов» [8, с. 24-25].

В. В. Маклаков на основе анализа положений ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» предлагает говорить об *общей* (единый порядок принятия дел к производству, ведения судебного заседания, вынесения и официальной публикации решения) и *специальной* (возбуждение конституционного процессуального дела по инициативе отдельных органов публичной власти, самостоятельная инициатива Конституционного Суда по решению ряда вопросов и т.д.) процедурах конституционного судебного процесса [9, с. 574]. Учитывая специфику отдельных полномочий Конституционного Суда (нормативное толкование Основного закона, решение споров о компетенции, расширенное участие в федеральном законодательном процессе и процедуре отрешения главы государства), А. В. Дагуев определяет различные виды конституционного судопроизводства, применительно к содержанию глав раздела III ФКЗ «О Конституционном Суде» (производство по делам о проверке соответствия Конституции РФ правовых актов, производство по делам о компетенционных спорах между уровнями (органами) публичной власти и т.д.) [10, с. 41]. С.А. Татаринов, в качестве специфической формы использования судьями Конституционного Суда РФ своих полномочий, выделяет также «производство по делам о международных правовых актах Российской Федерации», «производство по делам о преодолении конституционных пробелов» [11, с. 51] (включая в последнюю категорию решения о толковании Конституции, самостоятельную законодательную инициативу Суда). Как представляется, рассматривать правотворческие и правоинтерпретационные полномочия Конституционного Суда в качестве видов судопроизводства не совсем корректно, поскольку основного содержания судебной деятельности (разрешения конкретных юридических споров) они в себе прямо не преследуют.

Таким образом, суммируя позиции представителей «формального» подхода к определению понятия «конституционное судопроизводство», можно отметить, что это – самостоятельный вид юрисдикционной деятельности, неотъемлемая (но необязательная) часть процесса реализации права. Основным (и единственным, имеющим право принимать юридически значимые решения) субъектом конституционного судопроизводства является суд. Предмет судопроизводства – это выполнение последовательности действий, направленных на разрешение конкретной спорной ситуации; порядок судопроизводства устанавливается соответствующими процессуальными актами (в случае конституционного судопроизводства следует говорить об отсутствии кодифицированного акта – вопросы регулируются единым ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», который устанавливает не только судопроизводство, но и цели, задачи деятельности Суда, статус судей данной судебной инстанции). Результат судопроизводства – это вынесение обоснованного, законного и справедливого решения по делу.

Как представляется, такой формальный подход «воспринят» и на уровне Основного закона. В соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции, судопроизводство

представляет собой «форму осуществления судебной власти»; судопроизводство подразделяется на конституционное, арбитражное, административное, гражданское и уголовное. Конституционное судопроизводство как форма осуществления судебной власти обозначено в ч.1 ст. 125 Конституции.

«Содержательный» (либо же «материальный») подход к определению судопроизводства (в том числе, и конституционного) делает особый акцент на *реализацию правосудия* – как основное назначение деятельности государственной судебной власти. На это прямо указывает Конституция РФ в ч.1 ст. 128, определяя осуществление правосудия как исключительную компетенцию судебных органов. Прежде всего, правосудие – это особый вид правоохранительной деятельности органа государственной власти (суда) по разрешению споров публичного и частноправового характера. Данными авторами институт правосудия часто рассматривается как самостоятельная разновидность институтов того или иного вида процесса. Законодательный подход позволяет судить о широком понимании правосудия (деятельность не только судов, но и органов предварительного следствия, дознания, участия иных лиц (свидетелей, экспертов и т.д.), а также об узком его содержании (решение конкретных дел исключительно судом – «дачи судом ответа на основной, главный вопрос всего производства по уголовному делу» [12, с. 40].

Как представляется, «широкое» определение правосудия связано с конструкцией главы 31 Уголовного кодекса РФ, согласно которой преступлением против правосудия является не только препятствование осуществлению судом своей власти, но и отказ от дачи показаний свидетелем (экспертом, специалистом), посягательство на жизнь не только судьи, но и следователя, иного лица, уполномоченного осуществлять предварительное расследование. Подобное определение даёт Л.В. Лобанова: «Правосудие, выступающее объектом правовой охраны – это группа общественных отношений, направленных на обеспечение, беспрепятственное осуществление и реальное воплощение (исполнение) результатов деятельности правоохранительных органов, суда, иных содействующих лиц в принятии решений по уголовному делу, установлению вины лиц, совершивших преступление, назначении им справедливого и обоснованного наказания» [13, с. 10]. Применительно к деятельности Конституционного Суда РФ говорить о такой трактовке правосудия не совсем корректно, поскольку в данной судебной инстанции не ведётся следствия или иных видов расследования, использование специальных знаний осуществляется непосредственно в ходе рассмотрения дела. Корректнее говорить о конституционном *контроле*. Конституционный Суд является (наряду с Президентом) обязательным участником механизма охраны Основного закона, соответственно, Суд проверяет соответствие всех внутригосударственных нормативных актов, положений международного права, решений международных юрисдикционных органов Конституции – результатом проверки является специальный правоприменительный акт, подтверждающий либо опровергающий саму возможность применения рассмотренных правовых в отечественной правовой системе. Наряду с этим, Конституционный Суд – единственный орган, уполномоченный осуществлять нормативное толкование Конституции, то есть, результаты толкования носят характер правовых норм и обязательны к исполнению всеми субъектами права.

Анализ соответствующих положений Конституции РФ, а также ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» позволяет сделать вывод о наличии в процедуре образования органа как признаков, присущих судебной власти, так и механизмов, скорее, характерных для высших органов государственной власти с особым конституционно-правовым статусом (Государственного Совета РФ, Совета Безопасности и т.д.). Так, с точки зрения органа судебной власти Конституционный Суд РФ подчиняется общему принципу участия Президента РФ в процедуре назначения судей на должность. По аналогии с Председателем, заместителями Председателя и судьями Верховного Суда РФ, Председатель, его заместители, а также судьи Конституционного Суда РФ назначаются высшей палатой парламента – Советом Федерации – по представлению главы государства. Данная процедура несколько отличается от общего порядка назначения всех остальных федеральных судей (которое осуществляется Президентом РФ самостоятельно), однако, позволяет судить о наличии схожего с судьями Конституционного Суда РФ порядка.

Кроме того, на судей Конституционного Суда РФ также распространяются требования к стажу (не менее пятнадцати лет работы по юридической профессии), а также возрастной ценз (не моложе сорока лет на день назначения). Дополнительные требования к личности судьи Конституционного Суда РФ представляют собой наличие у него «безупречной репутации» и «общепризнанной высокой квалификации в области права». Требование безупречной репутации не является сильно распространённым в современном законодательстве (анализ требований к членам высших органов государственной власти позволил найти такие условия только к личности сенатора Российской Федерации). Применительно к судьям данный признак раскрывается в п. 2 ст. 3 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» - не только на рабочем месте, но и в своей внеслужебной деятельности судье необходимо предотвращать в своих деяниях, высказываниях, поступках всё, что «могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Отметим, что на судей всех уровней, как и на остальных федеральных государственных должностных лиц, распространяется требование об отсутствии гражданства (вида на жительства) иностранного государства, вкладов на счетах в иностранных банках и кредитных организациях, расположенных за пределами Российской Федерации. Общепризнанная высокая квалификация в области права представляет собой требование о наличии у лица не только высшего юридического образования, но и учёной степени доктора юридических наук, учёного звания профессора – получаемых в порядке, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией Министерства высшего образования и науки РФ.

На судей Конституционного Суда РФ распространяется также общий для всей судебной системы принцип несменяемости судей – судьи данной судебной инстанции назначаются без определения конкретного срока полномочий, исполняя их вплоть до досрочного прекращения статуса судьи, либо до достижения предельного возраста (семьдесят лет, для заместителя Председателя – семьдесят шесть лет, возраст Председателя Суда законом не ограничен – ст. 12 ФКЗ «О Конституционном Суде»). Наличие института

приведения к присяге членов Конституционного Суда РФ также позволяет относить рассматриваемый орган как институт судебной власти в Российской Федерации.

При этом совокупность полномочий Конституционного Суда РФ позволяет говорить о большом количестве функций, прямо не связанных с осуществлением правосудия (т.е., разрешением конкретных споров). В современной парадигме субъектов государственной власти Конституционный Суд РФ является также и субъектом законодательного процесса. Изначально (с 1993 г.), Конституционный Суд РФ является субъектом законодательной инициативы, которую он вправе вносить в Федеральное Собрание по вопросам своего ведения. Кроме того, в контексте поправок, внесённых в Конституцию РФ в результате Общенародного голосования в июне 2020 г., на Конституционный Суд РФ возлагается функция участника законодательного процесса при преодолении парламентом отлагательного вето главы государства (при этом, у Конституционного Суда РФ остаётся решающее мнение по вопросу о соответствии неподписанного Президентом закона конституционным положениям), проверка проектов законов федерального уровня (принятых в первом и втором чтениях), принятых, но ещё не обнародованных законов субъектов РФ.

Выводы. Указанные выше полномочия в своей совокупности образуют содержание конституционного контроля, тогда как правосудие (в том числе, и осуществляемое Конституционным Судом РФ), состоящее в разрешении конкретных спорных ситуаций с участием сторон, представляет собой только одно из направлений контрольной деятельности Конституционного Суда РФ. В этой связи можно согласиться с мнением судьи Конституционного Суда РФ в отставке М.И. Клеандрова, отмечающего, что, ввиду большого количества контрольных полномочий, общего положения органа в общей системе органов государственной власти Российской Федерации, «Конституционный Суд приобретает характер «моносуда», имеющего сложную институциональную систему, особый – в отличие от остальных видов и уровней судов в стране – порядок образования и деятельности» [14, с. 50]. Интересно также привести позицию В.А. Кряжкова о трансформации Конституционного Суда РФ в «квазисудебный» орган, имеющий большие полномочия по влиянию на законодательный процесс (по аналогии с Конституционным Советом Франции, уполномоченным осуществлять предварительный и последующий нормоконтроль по запросу Президента, самостоятельной инициативе) [15, с. 24].

Таким образом, не совсем корректно рассматривать Конституционный Суд РФ исключительно как орган *правосудия* (на что часто указывается в соответствующих теоретических исследованиях); по смыслу Основного закона данная судебная инстанция является именно *контрольным* органом, осуществляющим целый ряд властных функций в целях юридической охраны Конституции, обеспечения её прямого действия, непротиворечивого применения абсолютного во всех сферах социальной, политической и экономической жизни российского общества, эффективной защиты прав и свобод граждан, поддержания государственного суверенитета. Именно такая позиция в полной мере соответствует и современному конституционному обозначению статуса Конституционного Суда РФ, прежде всего, как контрольного органа.

Список использованной литературы:

1. Мирзоев С.Б. Конституционное судопроизводство: понятие и общая характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 65-73.
2. Беньяминова С.А. Понятие конституционного судопроизводства, критерии выделения // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – 2018. – № 13. – С. 53-58.
3. Каминский Э.С. К вопросу о публичном интересе в уголовном процессе // Российский судья. – 2021. – № 1. – С. 26-30.
4. Саликов М.С. Конституционный судебный процесс: учебник. – М.: Норма, 2020. – 368 с.
5. Бахрах Д.Н. Административное судопроизводство в России в начале XXI в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 6. – С. 67-71.
6. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс: учебное пособие. – М.: Норма, 2012. – 592 с.
7. Нарутто С.В. Конституционный судебный процесс: учебник для аспирантов, магистрантов, преподавателей. – М.: Инфра-М, Норма, 2014. – 232 с.
8. Конституция как нормативно-правовая основа конституционной законности в Российской Федерации. тематическая энциклопедия. Серия: «Academia». – М.: Университет прокуратуры Российской Федерации. – М., 2019., 2019. – 400 с.
9. Маклаков В.В. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: учебник. – М.: Инфотропик, 2012. – 896 с.
10. Дагуев А.В. Виды производств и их особенности в конституционном судопроизводстве: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02. – М., 2009. – 205 с.
11. Татаринов С.А. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по преодолению конституционно-правовых пробелов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 3. – С. 48-52.
12. Бурмагин С.В. О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия // Правоведение. – 2019. – № 1. – С. 32-53.
13. Лобанова Л.В. Некоторые проблемы уголовно-правового обеспечения гарантий независимости правозащитной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 4. – С. 8-14.
14. Клеандров М.И. Конституция Российской Федерации и структура отечественной судебной системы: какой бы хотелось ее видеть? // Российская юстиция. – 2019. – № 1. – С. 47-52.
15. Кряжков В.А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. – 2020. – № 9. – С. 18-32.

УДК 34.09

**LEGAL DESIGN В СОВРЕМЕННЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ВОПРОСЫ
ПРИМЕНЕНИЯ**

*Царев Максим Александрович,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир*

E-mail: tsarevmaximka2001@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи заключается в тенденции к упрощению восприятия текста юридических документов обычными людьми, которая проявляется при использовании средств и методов юридического дизайна. В статье предпринимаются попытки решения проблемы сложности законов и основанных на их текстах документов. Целью исследования является выявление возможных вариантов использования средств и методов юридического дизайна в современных правоотношениях, а также последствия такого использования.

Abstract. The relevance of the article lies in the tendency to simplify the perception of the text of legal documents by ordinary people, which manifests itself when using the means and methods of legal design. The article attempts to solve the problem of the complexity of laws and documents based on their texts. The aim of the study is to identify possible options for using the means and methods of legal design in modern legal relations, as well as the consequences of such use.

Ключевые слова: правоотношения, юридический дизайн, сложность законов, упрощение права.

Key words: legal relationship, legal design, complexity of laws, simplification of law.

На сегодняшний день актуальным является вопрос о возможности качественного и эффективного использования права. В данном случае необходимо в первую очередь учитывать критерий доступности права. Предполагается, что для полного понимания правовых норм и составленных на их основе в рамках процессуальной деятельности юристов соответствующих документов их содержание должно быть доступно не только лицам, имеющим высшее юридическое образование, но и остальным людям, которые такого образования не получали. В настоящее время достижение указанной задачи представляется затруднительным вследствие сложности восприятия содержания юридических документов. Однако ее реализация на сегодняшний день может стать возможной при помощи направления юридического дизайна (Legal Design), предназначенной для упрощения содержания и доступности юридических документов.

Юридический дизайн представляет собой совокупность используемых в современной юридической деятельности средств, способов, приемов, направленных на повышение доступности содержания юридических документов. Юридический дизайн как направление включает в себя три элемента. Первое направление (design) связано с созданием доступного для использования всеми людьми продукта. Второе направление (tech) специализируется на повышении эффективности средств и методов. В рамках третьего направления (law) осуществляется применение решений на практике [1, с. 501-502]. Совокупность вышеуказанных элементов позволяет получить такой результат, который может быть понят не только юристами, но и обычными людьми.

Следует отметить, что методика юридического дизайна ассоциируется прежде всего именно с упрощением понимания юридических документов путем визуальной передачи их содержания. На наш взгляд, средства и методы юридического дизайна идеально подходят для реализации в области договорного права. Так, соглашение между сторонами может быть оформлено при помощи презентации, видеоролика, схемы и даже комикса, главными героями которого оказываются стороны договора, а меняющиеся локации отражают правовые ситуации, которые охватываются условиями договора [2, с. 81].

Подобная идея уже активно используется в ряде зарубежных стран. Применение юридического дизайна упрощает содержание объемных и трудных для восприятия договоров и соглашений. Например, некоторые компании (Zynga, Easyjet) активно используют технологии юридического дизайна для донесения до потребителей условий пользовательского соглашения или согласия на обработку персональных данных путем их схематического отображения в видеоролике. На наш взгляд, в российском гражданском праве рассматриваемые предложения окажутся также уместны, ведь зачастую граждане не читают условия договора, пролистывают их, пропуская при этом важные детали соглашения. Также отображение условий договора в виде картинок и другие приемы юридического дизайна упрощают его понимание для людей с ограниченными возможностями развития.

Продолжая тематику юридического дизайна в зарубежных странах, необходимо отметить невероятную популярность данного направления в США. Так, в Стэнфордском университете практикуется чтение студентам лекций о юридическом дизайне.

Средства юридического дизайна могут быть реализованы и в рамках процессуальных отраслей права. Так, например, на судебном заседании одна из сторон может воспользоваться диаграммой, что упрощает процесс доказывания своего мнения. Диаграмма способна отразить позицию стороны в деле лаконично и при этом доступно, требования стороны станут понятны, к примеру, зрителям, присутствующим на рассмотрении гражданского дела. Достижению желаемого результата в гражданском процессе может также способствовать оформление своей позиции при помощи таблицы. Наконец, доказательство в виде договора, оформленного с помощью схем или в виде комикса, гораздо ярче и быстрее воспринимается как другими лицами, участвующими в деле, так и самим судьей, что может вызвать его расположение к стороне гражданского процесса.

Техника юридического дизайна может быть разумно использована не только в рамках гражданского процесса, но и в других видах судопроизводства. Так, обоснование исковых требований налоговых органов, связанных с уплатой задолженности по налогам и взыскании пени, может быть разумно представлено в виде диаграммы, каждый сектор которой отражает часть суммы, которую требует взыскать административный истец. В совокупности секторы образуют круг, обозначающий общую сумму, требуемую к выплате с административного ответчика.

Методика юридического дизайна заключается не только в визуальном упрощении восприятия юридической информации участниками судопроизводства. Юридический дизайн предполагает также правильное составление процессуальных документов, в том числе искового заявления. В частности, на сегодняшний день ряд ученых и исследователей в области юриспруденции предлагают внесение изменений в процессуальное законодательство, заключающихся в предъявлении определенных требований к оформлению искового заявления для наилучшего его восприятия. Например, ряд юристов высказывает мнение об изложении просительной части искового заявления в его начале, после которой уже будет следовать мотивационная часть. Однако подобная позиция не получила должной поддержки в силу устоявшегося мнения о расположении просьб в конце иска.

Также особые требования предлагается предъявлять к таким составляющим искового заявления и процессуальных документов в целом, как шрифт, кегль, интервал и так далее. Само содержание процессуальных документов в целом должно быть понятным. Для этого юристы рекомендуют избегать чрезмерного использования языковых оборотов, используя при этом большое количество глаголов. Однако предлагаемые меры вовсе не предполагают полного исчезновения профессионального юридического языка. В любом случае он сохраняется, но становится при этом доступным для восприятия обычными людьми.

В целом можно говорить о том, что направление юридического дизайна приводит к тому, что юридическую профессию в скором времени будут представлять не только юристы, но и люди, которые работают в сфере юридического дизайна. К ним можно отнести, в частности, программистов, аналитиков, бренд-менеджеров и представителей других профессий.

Итак, юридический дизайн в теории способен решить ряд существенных проблем, существующих как в России, так и в мире. Во-первых, юридический дизайн устраняет избыточность текста путем его графического отображения. Во-вторых, благодаря средствам юридического дизайна работа с правовой информацией станет проще. В-третьих, юридический дизайн решает проблему правовой безграмотности. В-четвертых, при помощи средств юридического дизайна можно обеспечить яркое и доступное оформление различных правовых порталов и сайтов органов государственной власти.

В России направление юридического дизайна на сегодняшний день развито слабо. В основном это связано с противоречивостью данного явления в глазах отечественных юристов. Безусловно, существует большое количество сторонников идеи упрощения содержания юридических документов. В

частности, генеральный директор компании «Онлайн-патент» Алина Акиншина высказывает мнение о необходимости борьбы с информационной избыточностью при помощи технологий юридического дизайна. С такой позицией соглашается и директор компании «Право.ру» Алексей Пелевин, говоря о необходимости со стороны каждого юриста или правотворца придерживаться принципов юридического дизайна [3].

Вместе с тем юрист ООО «БизнесЭдвайзерс» Роман Артемов отмечает архаичность устоев юриспруденции, поскольку для юридических документов характерно свойство шаблонности, что крайне неудобно для клиентов, которым оказываются юридические услуги [4]. Действительно, юрист должен быть заинтересован в том, чтобы его подопечный был в курсе дела и понимал содержание документов. Отсюда следует еще один недостаток института юридического дизайна: его применение может привести к снижению потребности в услугах представителей, поскольку обычные люди фактически будут способны к самостоятельному составлению юридических документов.

Таким образом, сегодня уже вовсю обсуждается идея реализации направлений юридического дизайна в Российской Федерации. Данная идея весьма неоднозначна, ее реализации противостоят консервативные принципы отечественной юриспруденции. На наш взгляд, технологии юридического дизайна должны внедряться в отрасли российского права постепенно. В первую очередь необходимо вносить изменения в нормативные акты, в частности, в процессуальное законодательство, установив, например, возможность подачи искового заявления с применением графических технологий. Впоследствии сфера применения юридического дизайна должна постепенно расширяться. На наш взгляд, положительные изменения, существенно изменяющие представление о российском праве, принесут большую пользу и окажут значительное влияние в первую очередь на правосознание и правопонимание граждан.

Список использованной литературы:

1. Артемов Р. Зачем юристу Legal Design? // Юрист. – 2019. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jurist.by/zhurnal/statia/zachem-yuristu-legal-design> (дата обращения: 16.03.2021)
2. Витюкова А.О. Лигал дизайн – решение проблем доступным образом // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 497-507.
3. Янковский Р.М. Legal Design: новые вызовы и новые возможности // Закон. – 2019. – № 5. – С. 76-86.
4. Legal Design – отражение культурной и правовой трансформации общества // Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/11/07/legal-design-otrazhenie-kulturnoj-i-pravovoj-transformacii-obshchestva.html> (дата обращения: 16.03.2021)

УДК 349.2

ПРОКУРАТУРА КАК СУБЪЕКТ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Криндач Александр Григорьевич,
Буруян Артур Вячеславович,
Донбасская аграрная
академия, г. Макеевка

E-mail: dach20001@yandex.ru

Аннотация. В статье определена сущность прокурорского надзора за соблюдением трудового законодательства, раскрыто его назначения. Целью статьи является выяснение роли прокуратуры, как субъекта надзора за соблюдением трудового законодательства. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: определить сущность прокурорского надзора за соблюдением трудового законодательства; раскрыть назначения прокурорского надзора за соблюдением трудового законодательства; проанализировать позиции ученых и законодательство в этой сфере.

Abstract. The article defines the essence of the prosecutor's supervision over the observance of labor legislation, discloses its purpose. The purpose of the article is to clarify the role of the prosecutor's office as a subject of supervision over the observance of labor legislation. To achieve this goal, it is necessary to perform the following tasks: to determine the essence of prosecutorial supervision over the observance of labor legislation; disclose the purpose of the prosecutor's supervision over the observance of labor legislation; analyze the positions of scientists and legislation in this area.

Ключевые слова: прокуратура, трудовое законодательство, надзор, контроль.

Key words: prosecutor's office, labor legislation, supervision, control.

Учитывая динамичное развитие Донецкой Народной Республики, а также уровень правосознания наших граждан в сфере трудовых правоотношений до сих пор существует множество правонарушений. Таким образом, чрезвычайно важно установить надлежащую систему надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства. При этом в первую очередь следует уделить внимание, собственно, прокуратуре.

В соответствии со ст. 259 Кодекса законов о труде, действующего в настоящее время на территории ДНР, надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде осуществляют уполномоченные органы, не зависящие в своей деятельности от собственника или уполномоченного им органа. Центральные органы исполнительной власти осуществляют контроль за соблюдением законодательства о труде на предприятиях, в учреждениях и организациях, находящихся в их функциональном подчинении, кроме налоговых

органов, имеющих право с целью проверки соблюдения налогового законодательства осуществлять такой контроль на всех предприятиях, в учреждениях и организациях независимо от форм собственности и подчинения [1].

В свою очередь, согласно положениям проекта Трудового кодекса ДНР государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, осуществляется инспекцией труда в порядке, установленном в пределах ее полномочий [2].

В соответствии со ст. 1 Закона ДНР «О прокуратуре», прокуратура Донецкой Народной Республики – единая государственная централизованная система органов, осуществляющих от имени Донецкой Народной Республики надзор за соблюдением Конституции Донецкой Народной Республики, исполнением законов и нормативных правовых актов Главы Донецкой Народной Республики, действующих на территории Донецкой Народной Республики [3].

По нашему мнению, прокуратура является самостоятельным правовым институтом, который представляет собой независимую и централизованную систему государственных органов, которую возглавляет Генеральный прокурор ДНР, с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим, функционирующий с целью осуществления защиты государственных и общественных интересов, интересов, прав и свобод человека и гражданина, представительства их интересов в суде, поддержание государственного обвинения в суде, надзора за соблюдением законодательства. При этом прокуратура является органом, обеспечивающим права и интересы граждан и юридических лиц, в том числе и при реализации ими трудовых прав.

Например, прокуратура осуществляет самостоятельный вид государственной деятельности, не дает возможности включить ее в систему одной из ветвей власти; прокуратура является единой централизованной системой, которая осуществляет возложенные на нее функции автономно; прокуратура является существенным и необходимым элементом системы «сдержек и противовесов», механизма, который способствовал взаимодействия разделенных ветвей единой государственной власти; подчинения прокуратуры законодательной, исполнительной или судебной власти может разрушить систему «сдержек и противовесов», которая сложилась в государстве; прокуратура – это пока единственный надежно работающий элемент системы разделения и взаимодействия ветвей власти, который обеспечивает сдерживание отдельных ветвей власти от принятия незаконных актов и совершения противоправных действий; ни один из существующих государственных органов не может взять на себя надзорную функцию прокуратуры за соблюдением и применением законов участниками общественных отношений; на переходный период построения правового государства прокурорский надзор необходимо сохранить как наиболее целесообразную, эффективную форму государственного контроля за соблюдением и применением законов.

В трудовом праве, по мнению некоторых зарубежных правоведов, прокуратура выполняет две основные функции. Первая – это надзор за соблюдением трудового законодательства, вторая – это восстановление

нарушенных прав, ведь прокуратура – это орган, который в случае выявления грубых нарушений трудового законодательства правомочна и обязана начинать уголовное преследование, принимать решение об окончании расследования, выяснять обстоятельства дела, собирать доказательства. Прокуратура решает, достаточно ли в каждом конкретном случае оснований для возбуждения уголовного дела. Только прокурор может принимать решение об окончании расследования путем предъявления публичного обвинения или прекращения дела [4]. Только прокуратура вне ведомственной системы имеет полномочия на проверку законности действий любого из контролирующих органов и на правовую оценку их деятельности.

По нашему мнению, сущность и назначение прокуратуры на современном этапе заключается в обеспечении интересов государства и каждого отдельного гражданина, в поддержании правовыми способами соответствующего паритета между правами и обязанностями каждой из указанных сторон. Как правильно подчеркивает О.Б. Червякова, обеспечивая интересы государства, прокуратура выполняет правоохранительную функцию и в отношении граждан, отстаивая же интересы граждан, прокурор защищает правовые устои государства [5]. В переходный период, когда старые общественные отношения еще полностью не «взломаны», а новые не нашли должного правового закрепления и апробации, возникает повышенная потребность в наличии организационного независимого органа, который бы давал правовую оценку отношениям, возникающим в обществе, мог бы оперативно вмешиваться в ход дел с целью предупреждения нарушений и восстановления законности, то есть осуществлять беспристрастный надзор за законностью.

Мы считаем, что надзор за исполнением законов – одно из основных направлений в деятельности прокуратуры.

Данная отрасль прокурорского надзора, непосредственно связана: с реальной защитой и обеспечением прав и свобод человека и гражданина; с укреплением законности в деятельности органов исполнительной власти, органов местного самоуправления; с утверждением действенной вертикали власти.

В надзоре за исполнением законов реализуется значительная часть надзорного и профилактического потенциала прокурорской системы, поскольку именно с его помощью достигается не только надлежащее исполнение законов, но и выявление правонарушений на ранних стадиях их формирования, принятия мер к их устранению [6].

В рамках надзора органов прокуратуры за соблюдением всеми субъектами права требований нормативно-правовых актов осуществляется прокурорский надзор за соблюдением трудового законодательства. Об этом говорится в ст. 1 и ч. 1 ст. 23 Закона ДНР «О прокуратуре». Надзор прокуратуры за соблюдением нормативно-правовых актов, призванных регулировать трудовые и тесно связанные с ними отношения, играет важную роль в обеспечении трудовых прав граждан.

Так, проверяя законность заключения трудовых договоров, прокурор выясняет: не требует ли администрация от поступающих на работу лиц документов, не предусмотренных законодательством; соблюдаются ли

требования закона в части испытания при приеме на работу, сроки трудового договора и другие его условия; отвечает ли приказ о зачислении на работу содержанию трудового договора, а запись в трудовой книжке - тексту приказа; объявляется ли приказ о зачислении на работу работнику под расписку; соблюдается ли особый порядок приема на работу сезонных и временных работников; не было ли фактов отказа в приеме на работу беременным женщинам и женщинам, имеющим детей, а также лицам, освобожденным из мест лишения свободы, некоторым другим категориям граждан по незаконным основаниям. При проверке законности изменения или прекращения трудовых договоров прокурор устанавливает: были ли законные основания для увольнения работников или их перевода на другую работу; прекращались ли трудовые договоры по инициативе собственника или уполномоченного им органа без законных на то оснований или с нарушением установленного порядка; соблюдались ли дополнительные гарантии при увольнении выборных профсоюзных работников; соответствуют ли записи о причинах увольнения работников требованиям закона. При проверке исполнения законов о трудовой занятости на предприятиях, в учреждениях, организациях, прокурор выясняет следующие вопросы: соблюдались ли гарантии и компенсации работникам, связанные с расторжением трудового договора; участвуют ли работодатели в обеспечении занятости населения. При проверке соблюдения законодательства об охране труда прокурор обращает внимание на следующие основные вопросы: разработаны ли на предприятии меры, направленные на обеспечение здоровых и безопасных условий труда, внесены ли конкретные вопросы охраны труда в коллективный договор; как осуществляется контроль за их реализацией; какие меры и по вине каких лиц не были приняты; соблюдаются владельцами (уполномоченными ими органами) нормативные требования, направленные на предупреждение несчастных случаев на производстве, в том числе своевременность проведения инструктажей по технике безопасности, производственной санитарии и других правил; обеспечиваются ли соответствующие категории работников специальной одеждой и другими средствами индивидуальной защиты; проводятся ли в необходимых случаях обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры работников; используются ли по прямому назначению средства и материалы, выделенные для проведения мероприятий по охране труда, не было ли случаев использования этих средств на другие цели; выполняются ли собственником или уполномоченным им органом требования закона о сокращении и ликвидации профессий с тяжелыми и вредными условиями труда, устранения запыленности и загазованности производственных помещений, шума и вибрации, предупреждение заболеваний на производстве; не нарушаются ли нормы об охране труда женщин и несовершеннолетних, а также действующие на предприятиях правила и инструкции по охране труда и техники безопасности, производственной санитарии, гигиены труда и противопожарной безопасности; каково состояние производственного травматизма на предприятии, его уровень и динамика, расследовались ли владельцем (уполномоченным им органом) причины несчастных случаев, какие меры приняты к их устранению.

Следовательно, органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением, правильным выполнением и применением всех нормативно-

правовых актов, призванных регулировать взаимоотношения участников трудовых и тесно связанных с ними отношений. Сущностной целью такого надзора является обеспечение трудовых прав субъектов соответствующих правоотношений, в основном и в частности – наемных работников.

По результатам проверок органы прокуратуры принимают конкретные меры: составляют в случаях, предусмотренных законодательством, протоколы об административных правонарушениях, а также вносят работодателям представления о наложении взысканий на отдельных должностных лиц, виновных в нарушении законодательства о труде, а в отдельных случаях передают материалы относительно этих нарушений в правоохранительные органы.

Прокурор или его заместитель при выявлении нарушений закона в пределах своей компетенции имеют право: 1) выносить протест на акт, нарушающий права человека и гражданина, в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Донецкой Народной Республики; 2) вносить представление на решение местных советов в зависимости от характера нарушений; 3) при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор возбуждает уголовное дело и принимает иные меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом; 4) в случаях когда нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер административного правонарушения, прокурор возбуждает производство об административном правонарушении или незамедлительно передает сообщение о правонарушении и материалы проверки в орган или должностному лицу, которые полномочны рассматривать дела об административных правонарушениях; 5) в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского и административного судопроизводства, когда пострадавший по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не может лично отстаивать в суде или арбитражном суде свои права и свободы или когда нарушены права и свободы значительного числа граждан либо в силу иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших.

Существенным элементом организации работы прокуроров является систематический анализ ими судебной практики и материалов, характеризующих соблюдение законности в деятельности органов вневедомственного контроля, использования выводов актов реагирования по нарушениям законов в сфере труда. Это позволяет целенаправленно планировать мероприятия, направленные на укрепление законности в области охраны труда, оплаты труда, и избегать безрезультатных прокурорских проверок. Однако имеют место отдельные случаи, когда проверки не всегда носят систематический характер, иногда планы работы составляются формально.

В последнее время наблюдается динамика роста количества обращений в прокуратуру, что обусловлено увеличением нарушений законов, кризисными политическими и экономическими явлениями в государстве. В современных

условиях значительная часть граждан не имеют возможности обращаться за защитой в суд, не всегда реагируют должным образом на обращения работников должностные лица органов исполнительной власти и местного самоуправления. Как свидетельствуют результаты проверок, проведенных прокуратурой в специальных органах, уполномоченных государством осуществляющих надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства, работу их нельзя признать эффективной и такой, что реально влияет на улучшение состояния соблюдения законодательства о труде. Несмотря на распространенность фактов нарушений требований действующего законодательства при заключении коллективных договоров, местные органы власти при регистрации коллективных договоров не принимают меры для изъятия из них незаконных положений и условий, ухудшающих положение работников по сравнению с действующим трудовым законодательством.

Серьезную озабоченность вызывает количество нарушений законодательства об охране труда.

Одной из основных причин допущения несчастных случаев, рост травматизма в отдельных отраслях экономики (угольной, химической, металлургической промышленности, на предприятиях строительства, на транспорте, в агропромышленном комплексе и др.) Как показывает практика, рост несчастных случаев, имеющих место на предприятиях, является следствием грубых нарушений трудовой и технологической дисциплины, небрежного отношения некоторых работников и должностных лиц к исполнению своих обязанностей, пренебрежение правилами техники безопасности. Анализ производственного травматизма и его причин свидетельствует, что в среднем 70% смертельных случаев произошло по организационным причинам, 20% – технические, 10% – психофизиологические. По данным МОТ, до 30% всех несчастных случаев на производстве связаны с употреблением наркотиков и алкоголя.

Так, надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства осуществляется в отношении основных институтов трудового права: прием на работу, изменения условий трудового договора, прекращения трудового договора, рабочего времени, времени отдыха, оплаты труда, охраны труда, заключения и выполнения коллективного договора. При этом прокурорский надзор за соблюдением трудового законодательства будет эффективным, если в рамках соответствующей административно-территориальной единицы прокурор своевременно выявляет нарушения участниками трудовых правоотношений предписаний нормативно-правовых актов, призванных регулировать трудовые и тесно связанные с ними отношения, и добивается устранения как указанных нарушений, так и обстоятельств, им способствующих.

Список использованной литературы:

1. Кодекс законов о труде Украины от 10.12.1971 № 322-VIII- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravodnr.ru/lawdnr/kzot-dnr/> (дата обращения: 02.06.2021)
2. Проект Трудового кодекса ДНР: № 204-КД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/activity/> (дата обращения: 02.06.2021)
3. О прокуратуре Донецкой Народной Республики: Закон ДНР от 15 апреля 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatel'naya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurature-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 02.06.2021)
4. Arbeitsrecht. Dr. h. c. mult. Hans C., Dr. Reinhard Richandi. Stand der Sammlung. – München, 1999. – 240 s.
5. Черепкова Е.Б. Защита конституционных прав граждан средствами прокурорского надзора (проблемы общенадзорной деятельности): дисс. ... канд. юр. наук / Е.Б. Червякова. – Х., 1992. – 195 с.
6. Настольная книга прокурора / Под ред. С.И. Герасимова. – М.: «Экслит», 2002. – 850 с.

УДК 343.575

**ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ НЕЗАКОННОГО СБЫТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
ДНР В СРАВНЕНИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ**

*Кинаш Ярослав Иванович,
Донбасская аграрная
академия, г. Макеевка*

E-mail: yamudriy@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется механизм распространения наркотических средств, особенности распространения наркотических средств с использованием сети Интернет. Рассмотрены проблемы в правоприменении и толковании ст. 263 ДНР и примечания к статье 228 УК РФ. Изучена судебная практика и ее применение, проведен юридический анализ толкования и применения данного примечания. На основе проведенного исследования автором предложено решение данной проблемы.

Abstract. The article analyzes the mechanism of the distribution of narcotic drugs, the peculiarities of the distribution of narcotic drugs using the Internet. Problems in law enforcement and interpretation of Art. 263 DNR and notes to article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation. The judicial practice and its application have been studied, a legal analysis of the interpretation and application of this note has been carried out. On the basis of the conducted research, the author proposed a solution to this problem.

Ключевые слова: наркотические средства, механизм распространения, психотропные вещества, интернет, социальные сети, добровольная выдача наркотиков

Key words: narcotic drugs, distribution mechanism, psychotropic substances, Internet, social networks, voluntary distribution of drugs.

Проблема добровольного отказа от совершения преступления в целом и добровольный отказ от незаконного сбыта наркотических средств во все времена беспокоила государство и его правоохранительные органы, так как эти действия способствуют защите прав и свобод человека, сокращению криминализации общества.

В статье 3 Конституции Донецкой Народной Республики (ДНР) отмечено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц [1].

Статьей 30 Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики (УК ДНР) предусматривается освобождение от уголовной ответственности лица при добровольном отказе от преступления. Так, добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению

либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. В части 2 названной статьи указано, что лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца [2].

Одной из нерешенных проблем науки уголовного права является возможность добровольного отказа от совершения сбыта наркотиков. Это когда речь идет о ситуациях, когда лицо приготовило наркотическое средство для сбыта, при определенных обстоятельствах выдает его различным способом сотрудникам правоохранительных органов.

Если это касается манипуляций с наркотиками без цели сбыта, которые охватываются диспозицией ст. 228 УК РФ, то освобождение от уголовной ответственности предусмотрено примечанием к этой статье. Так, лицо, совершившее предусмотренное настоящей статьей преступление, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, и активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом указанных средств, веществ или их аналогов, а также с незаконными приобретением, хранением, перевозкой таких растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление.

Не может признаваться добровольной сдачей наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, изъятие указанных средств, веществ или их аналогов, таких растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, при задержании лица и при производстве следственных действий по обнаружению и изъятию указанных средств, веществ или их аналогов, таких растений либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества [3].

Противоправные действия с наркотиками без цели сбыта, которые охватываются диспозицией ст. 263 УК ДНР, не предусматривают освобождение от уголовной ответственности, ибо отсутствует такое примечание. Решение вопроса о сбыте наркотиков должно найти однозначное применение в действующем законодательстве ДНР [2].

Так, Верховный Суд РФ отменил приговор в отношении К. в части ее осуждения по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК с прекращением дела в связи с отсутствием состава преступления. К., находясь под подпиской о невыезде и надлежащем поведении, добровольно сообщила сотрудникам правоохранительных органов о хранении наркотического средства в не принадлежащем ей гараже. В указанном ею месте наркотик был обнаружен и изъят. Сведениями об этом сотрудники правоохранительных органов ранее не располагали. Верховный Суд РФ отметил, что подобное сообщение представляет

собой прекращение преступных действий и окончательный отказ от совершения преступления [4].

Схожая позиция изложена по делу в отношении Б. Тот, находясь в исправительной колонии и участвуя в незаконном сбыте наркотиков, добровольно сообщил оперативным сотрудникам о том, что в один из дней девушка по фамилии К. заберет наркотическое средство из тайника под опорой дорожного указателя у конкретного дома. В данном месте было установлено наружное наблюдение, К. была задержана при изъятии наркотика из тайника [5].

Обвиняемый еще по одному делу, С., сообщил сотрудникам правоохранительных органов о тайнике с героином после того, как в его квартире был проведен обыск, но данный наркотик обнаружен не был. Верховный Суд освободил С. от уголовной ответственности за это преступление со ссылкой на положения ч. 2 ст. 31 УК о добровольном отказе. В определении ВС РФ отмечено, что сотрудники УФСКН смогли обнаружить и изъять наркотик, который не нашли днем ранее в ходе обыска, лишь после добровольного сообщения С. С учетом скрытости и неочевидности места расположения тайника, осведомленности С. о результатах первоначального обыска он осознавал возможность дальнейшего хранения героина и распоряжения им, «пусть и спустя длительное время – после отбытия наказания за другие преступления». Верховный Суд РФ счел, что С. имел реальную возможность довести свой умысел на сбыт наркотика до конца, знал об этом, но добровольно и окончательно прекратил преступные действия [6].

В более поздних решениях Верховного Суда РФ прослеживается другая позиция. Она относится к случаям, когда задержанное за другие преступления лицо сообщает о местонахождении тайников с наркотическими средствами и содействует в их обнаружении и изъятии. ВС РФ в таких случаях признаков добровольного отказа от незаконного сбыта наркотиков не усматривает, ссылаясь на то, что виновный был лишен возможности продолжить преступление в связи с задержанием и заключением под стражу. Такая позиция выражена по делам в отношении Т. К сожалению, в этом решении не уточняется, почему суд посчитал заключение под стражу непреодолимым препятствием для реализации умысла на сбыт хранимого наркотика и почему счел несостоятельной первую из приведенных позиций [7].

В литературе в основном обсуждаются вопросы добровольного отказа как института вообще. Применительно же к незаконному обороту наркотиков авторов, как правило, интересуют вопросы, связанные с примечанием к ст. 228 УК РФ. Об этом пишут, например, В. Н. Курченко [8, с.19], В. А. Потетин [9, с.14].

Итак, если лицо сдает наркотик или иным образом прекращает исполнять преступный умысел до своего задержания, то наличие добровольного отказа вряд ли вызовет сомнения. Трудности возникают, когда виновного задерживают и после этого он сообщает о местонахождении хранимого им наркотика.

Одна из особенностей данного преступления – его предмет – наркотическое средство, находящееся в незаконном обороте.

Возможность совершения преступления объективно сохраняется, пока виновный продолжает владеть и распоряжаться наркотическим средством, в том

числе дистанционным путем. И хотя сам по себе сбыт носит форму действия, он подразумевает тот или иной период владения наркотиком, которое, в свою очередь, носит пассивный характер.

Трудно представить себе передачу наркотика, при которой он вообще не поступает во владение и распоряжение сбытчика или одного из членов преступной группы. Поэтому, чтобы пресечь сбыт, необходимо не только задержать виновное лицо и исключить те или иные активные действия с его стороны, но и прекратить владение наркотиком.

Если виновный лишь задержан, а наркотик не изъят, то он вовсе не обязательно лишается возможности сбыть этот наркотик. Во-первых, задержанный, если он хранит наркотик в сокрытом месте, может сбыть его после освобождения из мест лишения свободы, как это справедливо указывалось в упомянутом решении в отношении С. [6].

Во-вторых, и во время отбытия наказания виновный вполне может сбыть наркотик, например, сообщив о месте его нахождения другим лицам. Причем эти лица могут быть как приобретателями, так и его соучастниками в сбыте, которые передадут наркотик приобретателям. Сообщение может быть передано как посредством мобильной связи, так и посредством других лиц, например, тех, кто освобождается или приходит к сбытчику на свидание. О местонахождении наркотика виновный может сообщить и другим осужденным, которые занимаются сбытом в местах лишения свободы.

Практика знает множество примеров такой деятельности, совершаемой дистанционно при нахождении виновного в условиях лишения свободы с использованием мобильной связи.

Такая ситуация имела место по упомянутому делу в отношении Б, где, действуя совместно с другими осужденными, отбывая наказание в местах лишения свободы, занимались сбытом героина, который поступал «со свободы» в исправительную колонию. В ходе этой деятельности между участниками преступной группы активно использовалась мобильная связь – в судебном решении упоминается порядка 1000 телефонных соединений [6].

Если задержанный продолжает хранить наркотик с целью сбыта, то нельзя говорить о том, что ранее задуманное им преступление было полностью пресечено, и если он сбывает этот наркотик, во время или после отбытия наказания, то совершает уже новое преступление. Предмет преступления – конкретное наркотическое средство – остается одним и тем же. Задержание лица может повлечь лишь корректировку умысла относительно времени, способа и других обстоятельств сбыта, но не прекращает этот умысел полностью, поскольку хранение лицом наркотического средства продолжается [8, с. 20].

То есть преступление в виде незаконного сбыта наркотического средства может быть окончательно прекращено лишь при условии, что его предмет (наркотическое средство) выбыл из распоряжения сбытчика. И если это происходит в результате изъятия наркотика сотрудниками правоохранительных органов или в результате иных событий, независимых от воли виновного (например, хищение наркотика другими лицами), то, безусловно, это лицо должно нести ответственность за неоконченное преступление. Однако же, если сбытчик передает наркотик органу следствия по собственной воле, даже после

задержания, это означает, что он добровольно и окончательно прекратил действия, направленные на совершение преступления. Это в силу положений ст. 30 УК ДНР о добровольном отказе исключает уголовную ответственность [2].

Разумеется, задержанный должен осознавать реальную возможность дальнейшего хранения наркотического средства. Добровольный отказ не всегда будет, если задержанный сообщает о наркотическом средстве, хранящемся у него в жилище, в гараже, на рабочем месте или в других местах, которые в связи с его участием в преступлении оказываются в поле зрения органа следствия и в которых с высокой степенью вероятности могут быть проведены следственные действия по обнаружению и изъятию наркотиков. Действия виновного будут не столько выдачей наркотических средств, сколько содействием органу следствия в их изъятии.

Однако возможна и ситуация, описанная в деле С., когда орган следствия не смог самостоятельно обнаружить наркотики в ходе обыска. Поэтому в случае хранения наркотика в названных местах вопрос о наличии добровольного отказа необходимо решать индивидуально по каждому делу [6].

Неуместной в этом вопросе является аналогия с хищениями, когда сообщение о местонахождении похищенной вещи может рассматриваться не как ее выдача, а как оказание помощи в ее розыске. Выдача наркотика, предназначенного к сбыту, пусть даже путем указания на место его хранения, связана с прекращением самого преступления, а не только с физической передачей наркотика государству.

Другой же подход, при котором добровольный отказ в случае задержания лица полностью отрицается, во-первых, не соответствует изложенной юридической логике, а во-вторых, приведет к сокращению случаев выдачи наркотических средств, не обнаруженных оперативными сотрудниками. Конечно, в состоянии раскаяния или замешательства виновный, возможно, выдаст наркотическое средство. Но при рациональном отношении к своему положению он будет понимать, что такая выдача ему невыгодна. Хотя она и будет признана смягчающим наказанием обстоятельством, но в то же время приведет к увеличению объема обвинения и, возможно, к более тяжкой квалификации. И это при том, что после задержания и осуждения хранимое наркотическое средство виновный зачастую может сбыть, получив материальную или иную выгоду, о чем говорилось выше.

Поэтому предлагаемый в статье подход, помимо защиты интересов лица при добровольном отказе, будет способствовать увеличению объема изымаемых из незаконного оборота наркотических средств.

Список использованной литературы:

1. Конституция Донецкой Народной Республики (с изменениями, внесенными Законами от 27.02.2015 года № 17-ИНС, от 29.06.2015 года № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС, от 29.12.2017 года № 205-ИНС, от 30.11.2018 года № 01-ИНС, от 06.03.2020 года № 106-ИНС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 06.07.2021)
2. Закон ДНР Об утверждении Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 06.07.2021)
3. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64 – ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10108000/#ixzz6zgDAIvo7> (дата обращения: 06.07.2021)
4. Определение Верховного Суда РФ от 18.11.2010 № 67-Д10-16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70182076/> (дата обращения: 06.07.2021)
5. Определение СК Верховного Суда РФ от 03.02.2014 № 12-Д13-4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70601850/> (дата обращения: 06.07.2021)
6. Надзорное определение СК Верховного Суда РФ от 15.12.2010 № 29-Д13-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/58200334/> (дата обращения: 06.07.2021)
7. Апелляционное определение СК Верховного Суда РФ от 14. 02. 2019 № 33-АПУ18-18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ARB&n=574828&req=doc#04> (дата обращения: 05.07.2021)
8. Курченко В.Н. Добровольная сдача наркотиков и добровольный отказ от незаконного оборота наркотиков / В.Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2012. – № 6. – С. 18-24
9. Потетин В.А. Добровольная сдача наркотических средств: основание к освобождению или исключению уголовной ответственности / В.А. Потетин // Наркоконтроль. – 2019. – № 2. – С. 13-17

УДК 343.146

**ПРОБЛЕМЫ ХРАНЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Мантурова Елизавета Евгеньевна,
Тюменский государственный
университет, г. Тюмень

E-mail: li_manturova@mail.ru

Аннотация. Вещественные доказательства имеют большое значение для доказывания в уголовном судопроизводстве, поэтому их надлежащее хранение на протяжении всего производства по уголовному делу является очень важной задачей, для достижения которой необходимы слаженные действия органов осуществляющих предварительное расследование, выполняемые в четком соответствии с законом. Однако на практике не редки случаи, когда вещественные доказательства оказываются утерянными или повреждёнными, вследствие чего теряют своё доказательственное значение, что несомненно отрицательно сказывается на всём расследовании. Эти инциденты подтверждают большую актуальность данной темы и подчеркивают необходимость грамотного правового регулирования в данной сфере. В данной работе выделяются наиболее распространённые проблемы хранения вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве и предлагаются некоторые пути их решения.

Abstract. Physical evidence is of great importance for proving in criminal proceedings, therefore, their proper storage throughout the entire criminal proceeding is a very important task, for the achievement of which coordinated actions of the bodies carrying out preliminary investigation, carried out in strict accordance with the law, are required. However, in practice, it is not uncommon for material evidence to be lost or damaged, as a result of which it loses its evidentiary value, which undoubtedly negatively affects the entire investigation. These incidents confirm the great relevance of this topic and emphasize the need for competent legal regulation in this area. This paper highlights the most common problems of storage of material evidence in criminal proceedings and suggests some ways to solve them.

Ключевые слова: вещественные доказательства, уголовное судопроизводство, хранение вещественных доказательств, передача на ответственное хранение владельцу, возвращение законному владельцу, процессуальная ответственность.

Key words: material evidence, criminal proceedings, storage of material evidence, transfer for safekeeping to the owner, return to the rightful owner, procedural responsibility.

Вещественные доказательства не теряют своего процессуального значения на протяжении всего производства по уголовному делу, в связи с чем их

хранение является очень важной и ответственной задачей. Тем не менее, на практике не редки случаи, когда вещественными доказательствами загромождаются кабинеты следователей и дознавателей, они оказываются повреждёнными, а иногда и вовсе утерянными, что, несомненно, наносит большой вред доказыванию. Все эти инциденты подтверждают необходимость грамотного правового регулирования в данной сфере.

Даже несмотря на то, что хранение вещественных доказательств регулируется не только Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, но и рядом других нормативных актов, которые содержат не только процессуальные нормы, но и нормы гражданского и других отраслей права, в настоящее время в законодательстве Российской Федерации в данной области всё же имеются некоторые нерешённые вопросы.

Так, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 8 мая 2015 г. № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам» [1], не все вещественные доказательства могут храниться при уголовном деле или в камере хранения в силу ряда причин, например, из-за больших габаритов, либо же из-за необходимости соблюдения определённых условий хранения, без которых предмет может утратить свой первоначальный вид или потерять свои свойства, имеющие доказательственное значение. В тех ситуациях, когда хранение предметов, являющихся вещественными доказательствами, при уголовном деле или в камере хранения невозможно, как, например, в случае с большими партиями товаров, они передаются на хранение в государственные органы, либо же юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям. Для возможности заключения договора хранения с данными субъектами, они должны иметь соответствующие условия для хранения и быть наделёнными таким правом в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Проблема в данном случае заключается в том, что сроки предварительного расследования чётко ограничены уголовно-процессуальным законом, а их несоблюдение влечёт массу негативных последствий, однако заключение договора хранения вещественных доказательств не ограничено по времени и может даже превышать сроки, установленные для расследования, что недопустимо, ведь в таком случае заключение данного договора уже не имеет смысла.

Длительность процедуры заключения договора хранения вещественных доказательств обусловлена тем, что в соответствии с письмом Минэкономразвития России от 04 мая 2016 г. № ОГ-Д28-5908 «О закупке услуг, связанных с хранением вещественных доказательств по уголовным делам» [2] при заключении данного договора используются нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3], а данным законом предусмотрена весьма длительная поэтапная процедура, требующая чёткого следования установленным правилам.

Само заключение договора хранения не является единственной проблемой, связанной с данным видом хранения вещественных доказательств. Оно сопровождается и рядом других спорных ситуаций.

Так, например, до сих пор отсутствует единая судебная практика по поводу того, кто же несёт ответственность за порчу или утерю переданных на хранение доказательств. В ряде судебных решений ответственность возлагается на организацию, осуществляющую хранение, поскольку обязанность по сохранению вещественного доказательства вверяется на неё по договору, который предусматривает гражданско-правовую ответственность за ненадлежащее хранение, приведшее к порче или утрате. Передача на хранение по договору возлагает большую ответственность на организацию, нежели чем на правоохранительные органы, поскольку при передаче предмета, они уже не могут в полной мере осуществлять контроль за его сохранностью, рассчитывая на добросовестность хранителя по договору. В частности, такое решение содержится в постановлении Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 31.10.2014 г. по делу № А56-38228/2013 [4].

Однако по данному вопросу имеется и противоположная позиция, в соответствии с которой, даже несмотря на то, что у правоохранительных органов, осуществляющих предварительное расследование, отсутствует непосредственная возможность постоянного контроля за сохранностью вещественных доказательств, при передаче их на хранение, они всё же продолжают нести за них ответственность. В обоснование данного суждения судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда в своём Апелляционном определении от 20.07.2016 г. № 33-14163/2016 по делу № 2-217/2016 [5] сослалась на требования Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами от 18 октября 1989 г. № 34/15 [6]. В соответствии с данной инструкцией среди работников правоохранительных органов, ведущих расследование по уголовному делу, назначается ответственное за хранение лицо. А также на начальников данных правоохранительных органов возлагается обязанность по проведению периодических проверок за условиями хранения и состоянием хранящихся вещественных доказательств, правильностью ведения документов по их приему, учету и передаче.

То есть, заключение договора на хранение вещественного доказательства, даже с учётом указания в нём на материальную ответственность хранителя за порчу или утрату имущества, не всегда освобождает правоохранительные органы от обязанности возмещения вреда, поскольку они обязаны осуществлять контроль за данным имуществом даже в случае передачи его третьим лицам.

Для обеспечения единообразного применения судами законодательства Российской Федерации необходимо законодательно закрепить положение о том, кто же всё-таки обязан возмещать вред, причиненный порчей или утратой вещественного доказательства. По нашему мнению, данную обязанность необходимо возложить на хранителя по договору хранения, а не на правоохранительные органы.

Также ряд вопросов связан с хранением вещественных доказательств законными владельцами (владельцами).

Согласно пп. «б» п.1 ч. 2 ст. 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации большие партии товаров, хранение которых затруднено

или издержки по обеспечению специальных условий хранения которых соизмеримы с их стоимостью возвращаются их законному владельцу. В тоже время согласно п.1.1 ч.2 данной статьи эти же объекты могут быть переданы на ответственное хранение владельцу. Исходя из чего, возникает вопрос о том, каково же соотношение данных понятий и подразумевает ли обязанность хранения возвращение.

Конституционный Суд Российской Федерации в своём постановлении от 11 января 2018 г. № 1-П [7], невзирая на различие в формулировках ст.82 УПК, считает возможным передачу вещественных доказательств законному владельцу именно для ответственного хранения в обоих случаях. Тем не менее, среди исследователей до сих пор нет единого мнения о соотношении данных понятий. Так, Головкин Олег Евгеньевич в своей диссертации, посвященной хранению вещественных доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [8], также отождествляет эти понятия, указывая на то, что в обоих случаях речь идёт именно о передаче на хранение, что практически исключает пользование, и тем более распоряжение имуществом, признанным вещественным доказательством. Учёные Багаутдинов и Шалякина считают, что вернуть возможно лишь те предметы, которые не могут долго храниться, Белкин Анатолий Рафаилович полагает, что только те предметы, которые необходимы их законному владельцу [9].

Ещё одной проблемой является тот факт, что передача вещественных доказательств на хранение владельцу не всегда может обеспечить их сохранность. Так как с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями заключается договор о хранении вещественных доказательств, они несут соответствующую гражданскую ответственность, в случае же с владельцами о таком договоре речи не идёт. А значит и к ответственности они привлечены быть не могут, что даёт им возможность продать или иным образом распорядиться переданным на хранение вещественным доказательством, что, несомненно, отрицательно отразится на расследовании.

Мы считаем, что для сокращения числа подобных случаев необходимо ввести процессуальную ответственность, предусмотренную Уголовно-процессуальным кодексом, в виде денежного взыскания, либо же уголовную ответственность по аналогии с арестованным имуществом, путём дополнения статьи 312 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо же добавления новой статьи.

Также, как показывает практика, следователи довольно редко передают вещественные доказательства на хранение владельцам, хотя владельцы не всегда являются подозреваемыми или обвиняемыми. В данном случае на лицо нарушение имущественных прав данных лиц.

В соответствии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, отраженной в определении от 14 мая 2015 г. «По жалобе гражданки Немецковой Татьяны Анатольевны» [10], данный вопрос является весьма важным и требует ответственного подхода со стороны органов, осуществляющих изъятие вещественных доказательств, поскольку их действия не должны повлечь необоснованного нарушения законных прав и интересов граждан, являющихся

владельцами предметов, признанных вещественными доказательствами. Для недопущения такого рода нарушений необходимо принять во внимание совокупность множества факторов, не только характеризующих сам предмет, его значение для владельца, но и также тяжесть совершённого преступления.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что правовое регулирование в данной сфере требует доработки с учётом всех существующих на практике проблем.

Список использованной литературы:

1. Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам (вместе с Правилами хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам): Постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 г. № 449: по сост. на 8 мая 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 20. – Ст. 2915.
2. Письмо Минэкономразвития России от 04.05.2016 г. № ОГ-Д28-5908 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.05.2021)
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ: по сост. на 30 апреля 2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
4. Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 31.10.2014 г. № А56-38228/2013 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 13.05.2021).
5. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.07.2016 г. № 33-14163/2016 по делу № 2-217/2016 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.05.2021).
6. О порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами: инструкция. Утверждена Прокуратурой СССР, МВД, КГБ, Верховным Судом СССР от 18 октября 1989 г. № 34/15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.05.2021)
7. По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 января 2018 № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 4. – Ст. 685.
8. Головкин О.Е. Хранение вещественных доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.Е. Головки. – М., 2015. – С. 140.

9. Белкин А.Р. Еще раз о доказательствах, об источниках доказательств и о том, как отличить одно от другого / А.Р. Белкин // Мировой судья. – 2012. – № 1. – С. 10-15.

10. По жалобе гражданки Немецковой Татьяны Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пп. «а» п. 1 ч.2 ст. 82 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2015 г. № 1127-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2015 г. – № 4.

УДК 343.140.01

**ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ**

*Махлай Евгения Юрьевна,
Тюменский государственный
университет, г. Тюмень*

E-mail: evgenia.makhelai@mail.ru

Аннотация. Каждое доказательство подлежит оценки с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а собранные доказательства в совокупности – достаточности для расследования уголовного дела. В данной работе уделяется внимание свойству допустимости доказательств. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве не определено четких критериев для признания тех или иных доказательств допустимыми, но в юридической науке ученые разработали такие критерии. Они должны быть соблюдены, иначе это приведет к признанию доказательства недопустимым, что делает невозможным его использование.

Abstract. Each evidence is subject to assessment from the point of view of relevance, admissibility, reliability, and the collected evidence in the aggregate - sufficiency for the investigation of a criminal case. In this paper, attention is paid to the property of admissibility of proofs. In the current criminal procedural legislation, there are no clear criteria for recognizing certain evidence as admissible, but in legal science, scientists have developed such criteria. They must be respected, otherwise this will lead to the recognition of the evidence inadmissible, which makes it impossible to use it.

Ключевые слова: допустимость доказательств, критерии допустимости, теория асимметрии правил допустимости доказательств, исключение недопустимых доказательств, юридическая сила доказательств.

Key words: admissibility of evidence, criteria of admissibility, theory of asymmetry of rules of admissibility of evidence, exclusion of inadmissible evidence, legal force of evidence.

Статья 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает необходимость и важность проверки доказательств на относимость, допустимость, достоверность, в целом – на достаточность. Именно при данных свойствах доказательств возможно полное и объективное расследование уголовного дела.

Доказательства могут быть использованы для доказывания обстоятельств и положены в основу обвинения в случае, если они были получены в соответствии с законом. В этом проявляется одно из важнейших свойств доказательств – допустимость. В данном случае свойство допустимости указывает на форму доказательства и не соотносится с его содержанием.

Исключительная значимость соблюдения условий допустимости подкреплена положениями Конституции Российской Федерации, где в статье 50 закрепляется невозможность использования доказательств, полученных с нарушением закона. УПК РФ подкрепляет этот запрет собственным и в статье 75 указывает, что доказательства, полученные в нарушение закона, не могут быть признаны допустимыми и не имеют никакой юридической силы, а значит и не могут быть положены в основу позиции обвинения или вообще доказывать любые обстоятельства по делу. Так, уголовно-процессуальный институт допустимости доказательств позволяет отсечь те сведения, которые могли быть искажены или изменены в противоположную сторону, тем самым обеспечивает защиту прав всех участников уголовного судопроизводства

Собираемые доказательства могут ограничивать и ущемлять права и свободы человека, а свойство допустимости доказательств способствуют их защите, путем установления условий признания доказательств допустимыми. В этом проявляется важнейшее значение данного института. Допустимость доказательств служит гарантией от нарушений со стороны сотрудников правоохранительных органов, а также не позволяет проникнуть недостоверной информации в доказательственную базу, что является гарантией достоверности полученных сведений.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве не определено четких критериев для признания доказательств допустимыми. Такой подход позволяет исключить полученные доказательства по признаку формальности, что снижает уровень правовой защиты прав и законных интересов гражданина. Также в связи с этим рождаются множество споров и различных точек зрения в юридической науке. УПК не указывает на конкретные нормы, нарушения которых влечет недопустимость доказательств. Такая правовая неточность влечет неоднозначное толкование свойства допустимости. К тому же отметим, что самими судьями еще не разработаны критерии и методы по оценке доказательств допустимыми, что порождает на практике противоположные судебные решения в схожих ситуациях. Отсюда вытекают последствия в виде ненаказуемости виновных и несправедливости.

Из анализа юридической литературе можно выделить 4 критерия, которые поддерживают большинство ученых, это надлежащие: 1) источник, 2) способ собирания, 3) субъект сбора доказательств, и 4) правильный и законный порядок проведения и оформления сбора доказательств [1]. Такие критерии должны быть соблюдены, иначе это приведет к недопустимости доказательств.

Первый критерий – надлежащий источник собирания доказательств предполагает, что доказательства получены из следующих источников: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключения и показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы, на это указывает часть 2 статьи 74 УПК РФ. Доказательства, полученные из ненадлежащего источника, не могут быть положены в обоснование обвинения.

Критерий надлежащего способа собирания доказательств предполагает определенную систему приемов и действий в соответствии с нормой УПК РФ в целях поиска, обнаружения, получения, закрепления и исследования

информации. При нарушении порядка проведения процессуальных действий, установленных УПК РФ, доказательства признаются недопустимыми.

Критерий надлежащего субъекта доказывания предполагает, что доказательства будут признаны допустимыми только в том случае, если они были получены и собраны лицом, специально на то уполномоченным, как того требует уголовно-процессуальный закон. Это может быть как сторона обвинения, так и сторона защиты, их представители. Например, защитник может собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Также нужно отметить, что независимо от субъекта поиска и собирания доказательств, доказательства считаются равно значимыми и подлежат объективной оценке суда.

В случае нарушения способа собирания доказательств со стороны обвинения они будут считаться недопустимыми. В отношении же участников со стороны защиты нет регламентации по собиранию доказательств. Можно предположить, что предметы и документы, предоставляемые стороной защиты, считаются допустимыми или требования допустимости к ним не предъявляются вовсе.

Относительно последнего критерия надлежащего порядка проведения и оформления процессуального действия существует несколько правил. Доказательство должно быть процессуально закреплено надлежащим способом, то есть по поводу любого доказательства составляется процессуальные документы в письменной форме. Если доказательство существует в электронной форме или в форме видеозаписи, то в протоколе должен быть отражен этот факт. При несоблюдении хотя бы одного правила – доказательство признается недопустимым.

Как ранее упоминалось, закон не устанавливает четких критериев допустимости доказательств. Это значит, что приведенные требования не являются единственными. В юридической науке существуют различные подходы по данному вопросу. Например, Н.В. Сибилева считает, что строгое соблюдение норм нравственности послужит институту доказывания хорошую службу, а Н.М. Кипнис, напротив, считает, что это не нужно, так как, если были затронуты честь и достоинство человека во время сбора доказательств, то полученные в итоге доказательства будут лишены значения для дела не из-за нарушения норм морали, а из-за нарушения требований закона [2].

Закон предусматривает случаи недопустимости доказательств. В качестве примеров недопустимости закон устанавливает: показания подозреваемого и обвиняемого, полученные в отсутствие защитника, и не подверженные в суде; показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также если невозможно установить источник осведомленности и иные доказательства, полученные с нарушением норм уголовно-процессуального закона.

Согласно статье 88 УПК РФ прокурор, следователь и дознаватель, а также суд имеют право признавать доказательства несоответствующие закону. Прокурор, следователь, дознаватель могут реализовать данное им право

самостоятельно или по ходатайству стороны защиты, аналогично может поступить и суд.

Действующий уголовно-процессуальный закон однозначно дает понять, что при нарушении любой нормы о получения доказательств, они становятся недопустимыми. Этот подход чаще всего используют лица, участвующие со стороны защиты, а именно – защитники подозреваемых и обвиняемых. Таким образом, всякое нарушение, даже самое незначительное, одного из требований процессуальной формы влечет утрату доказательством его юридической силы.

Тем не менее, в науке полностью этот вопрос не решен. Противоположной точки зрения придерживается Ю.К. Орлов, который считает, что процессуальная форма не является самоцелью. Она призвана решать две неразрывные между собой задачи – обеспечить достоверность полученных данных и защитить предоставленные законом права и интересы личности. Отсюда и выделяет процессуальные нарушения, которые влияют на допустимость доказательств: нарушения, ставящие под сомнения достоверность полученной информации; нарушения, ущемляющие права личности. Нарушения первой категории делит на существенные и несущественные, причем существенные могут быть восполнимыми и невосполнимыми [3].

Проблема ограничительного толкования нормы части 1 статьи 75 УПК РФ, состоит в том, что нарушения могут носить технический характер, таким образом, не могут влиять как на саму информацию, представленную в виде доказательств, так и на права лиц, участвующих в уголовном процессе. Например, на одной из страниц протокола не проставлена подпись свидетеля, сведения на этой странице по отношению к обвинению носят нейтральный характер. Однако трудно найти грань между техническими нарушениями от всех других, тем более нейтральные сведения могут стать обвинительными в ходе судебного производства [4].

Исключение недопустимых доказательств может влечь разные последствия. В разных субъектах РФ складывается различная практика. В некоторых случаях признание доказательств недопустимыми не влияет на исход принятого решения, так как имеется достаточное количество других доказательств. В других случаях влечет исключение из доказательственной базы производных от него доказательств. Например, вследствие признания обыска протокола недопустимым, невозможным является предоставление заключения эксперта об обнаружении следов крови на одежде, полученной в ходе обыска.

Необходимо отметить, что ранее исключённые недопустимые доказательства могут быть восстановлены в юридической силе на основании ч. 7 ст. 235 УПК РФ. Суд по ходатайству стороны вправе заново выяснить, являются ли доказательства допустимым. Данная норма позволяет достигнуть справедливости, в случае допущения процессуальной ошибки, если информация является важной и правдивой. Таким образом, виновно лицо не останется безнаказанным.

Интересным и достаточно спорным является вопрос относительно применения асимметрии правил допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве, который собирает вокруг себя много внимания и порождает немало точек зрения. Впервые об этом сказано в трудах А.М. Ларина и Ю.И.

Стецовского [5]. Данные учёные высказали предположение о том, что все правила допустимости должны относиться только к доказательствам обвинения, но не к оправдательным. Сторона защиты при этом вправе использовать любые доказательства, если они содержат данные оправдательного характера. Однако возникает вопрос, что делать с допустимостью доказательств, носящую нейтральную оценку. Может быть такими доказательствами смогут воспользоваться как сторон защиты, так и сторона обвинения или никто вовсе. Несомненное у представленной позиции есть сторонники и противники.

Существует другая позиция (А.М. Ларин, Н.К. Кипнис, П.А. Лупинская, В.А. Савицкий и др.) относительно правил допустимости, согласно которой доказательства, полученные с нарушением стороной обвинения, могут быть допущены к уголовному делу по ходатайству стороной защиты.

Например, В.А. Савицкий считал, что правила асимметрии допустимости доказательств должны распространяться на все доказательства, независимо от отношения к подозреваемому (обвиняемому), то есть устанавливающие его вину либо смягчающие наказание [6]. В части 1 статьи 75 УПК РФ даётся справедливый ответ, согласно которому недопустимые доказательства не могут использоваться для доказывания обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, среди которых установлены доказывающие виновность лица, исключаяющие преступность и наказуемость деяния, смягчающие или отягчающие наказания и прочее. Н.М. Кипнес же полагает, что правила асимметрии допустимости доказательств необходимо применять судом только в конкретных случаях и тогда, когда был соблюден надлежащий порядок проведения процессуального действия, а защитник, присутствовавший при собирании доказательства не имеет права требовать признания документа порядка доказательства недопустимым доказательством [7].

П.А. Лупинская занимает промежуточную позицию, согласно которой если доказательства были признаны недопустимыми, то они не могут быть применены вообще, как стороной защиты, так и стороной обвинения [8].

Таким образом, проблема применения недопустимых доказательств является ключевой и неоднократно становится предметом исследований в юридической литературе. Институт допустимости доказательств реализует одну из важнейших задач уголовно-процессуального закона – защита прав и законных интересов человека и гражданина. Допустимость доказательств выступает защитой от незаконного и безосновательного обвинения от нарушения прав участников уголовного процесса.

Институт недопустимости доказательств является относительно новым понятием для Российской Федерации. В разных субъектах РФ судебная практика идет разными путями. В некоторых случаях при допущении незначительных технических ошибок доказательства признаются допустимыми и наоборот. Нам четко видится, что существует потребность в совершенствовании уголовно-процессуальных норм.

Список использованной литературы:

1. Пяшин С.А. О некоторых правилах оценки допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 119-124.
2. Орлов Ю.К. К проблеме теории доказательств в уголовном процессе. – М.: Юрист, 2009. – С. 52.
3. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – М.: Проспект, 2002. – С. 47-53.
4. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. – М., 2006. – С. 112-113.
5. Стецовский Ю. И., Ларин А. М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 303.
6. Савицкий В.М. Перед судом присяжных: виновен или невиновен? – М., 1995. – С. 57-58.
7. Кипнис Н.М. Оценка асимметрии правил о допустимости доказательств // Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. – М., 2000. – С. 173-195.
8. Лупинская П.А. Основания и порядок принятия решений о допустимости доказательств // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 2.

УДК 341

**ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА
НА ЖИЗНЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ**

Голомах Римма Викторовна,
Донбасская аграрная
академия, г. Макеевка

E-mail: qolomach@rambler.ru

Аннотация. В статье проводится анализ международных правовых стандартов касательно защиты права на жизнь, реализация которого возлагается на деятельность государств. Проводится анализ Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 1950 г., а также реализации механизма права на жизнь человека и гражданина.

Abstract. The article analyzes the international legal standards concerning the protection of the right to life, the implementation of which is entrusted to the activities of States. The article analyzes the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, as well as the implementation of the mechanism of the right to life of a person and a citizen.

Ключевые слова: право на жизнь, правовые стандарты, защита, международное право, Европейский Суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Key words: the right to life, legal standards, protection, international law, the European Court of Human Rights, the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.

Рассматривая вопрос о механизме обеспечения защиты права на жизнь, необходимо обратить внимание на международные стандарты, которые являются основой функционирования данного механизма. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Гаврилова, который утверждает, что основная цель договора, а также международно-правового акта о правах человека это определение четких общих стандартов поведения стран, в вопросе обеспечения и признания единообразия [1, с. 55].

Международные стандарты – это некая модель, установленная в соответствии с договоренностью между государствами [2, с. 98-102]. Целесообразно уточнить вопрос, на какие стандарты необходимо ориентироваться механизму обеспечения защита права человека на жизнь. Рассматривая научную литературу, можно говорить о том, что международно-правовые стандарты по обеспечению и защите права человека на жизнь дифференцируются в следующем:

1) стандарты универсального характера, имеющие общее значение, и выступающие в качестве рекомендаций для мирового сообщества;

2) стандарты регионального характера, имеющие императивное значение для стран-участников определенной организации, к примеру, Совета Европы.

Такие стандарты определяются традициями, а также развитием определенной группы стран. Должны иметь политико-правовой механизм реализации [3, с. 159-160];

3) стандарты специализированного характера, принимаемые специально созданной на то организационной структурой с целью формирования общих стандартов качества.

К международным стандартам первого уровня относятся такие акты, как:

а) Международный пакт «О гражданских и политических правах», принят от 16.12.1966 [4];

б) Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах», принят от 16.12.1966 [5];

в) «Всеобщая декларация прав человека», принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [6], а также другие нормативно-правовые акты, имеющие международный характер.

Такие акты предоставляют государствам-участникам такие юридические обязательства, как:

– государства несут обязанность принимать все необходимые меры, законодательного и административного характера, с целью реализации прав, отмеченных в таких документах;

– государства, которые ратифицировали такие декларации и Пакты, не рассматривая уровень экономического развития должны давать гарантию в соблюдении, а также защиты прав в отношении каждого гражданина, хотя бы в минимальном размере [7, с. 58].

На универсальном уровне находится право на жизнь, которое является важной гарантией для того, чтобы признать в мире такое право, и предоставляет государствам обязанности в применении механизмов для того, чтобы обеспечить и защитить право человека на жизнь. В соответствии с ст. 6 Международного пакта «О гражданских и политических правах» право на жизнь охраняется законом. Человек не может лишиться произвольно своей жизни, за исключением случаев законодательного применения смертной казни. Комитетом по правам человека отмечалось, что защита права на жизнь обязывает государство для принятия решительных мер, для того, чтобы сохранить жизнь. В качестве примера можно привести ситуацию, при которой для того чтобы снизить детскую смертность, необходимо преодолеть проблемы недоедания населения, преодоление различного рода эпидемий, и.т.д.

Для того чтобы полноценно реализовать право на жизнь, необходимо выделить его связь с другими правами, к примеру, правом на должную охрану здоровья [8, с. 105-108]. При нарушении социальных прав человека Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) необходимо рассматривать обстоятельства, которые влекут нарушения права на жизнь, отмеченного в Европейской конвенции о защите прав человека. В качестве примера, необходимо выделить Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» от 16.12.1966, в котором говорится о том, что каждый имеет право на максимальную степень психического и физического здоровья. Для того чтобы полноценно реализовать это право, Пакт определяет такие меры, как:

- а) необходимость в эволюции гигиены внешней среды, а также гигиены промышленного труда;
- б) ведение активной борьбы по вопросам сокращения детской смертности и мертворождаемости;
- в) принятия мер по вопросам здорового развития детей;
- г) предоставление условий, гарантировавших каждому квалифицированную медицинскую помощь на случай болезни;
- д) организация профилактических мер, а также лечение профессиональных, эндемических, эпидемических и другого рода болезней.

На данный момент международными организациями ведется деятельность в разработке и принятию правовых норм, направленных на охрану окружающей среды, утилизацию отходов производства, развитие физической культуры, установление стандартов качества продукции и другое. Цель данных мероприятий направлена на обеспечение здоровья человека и общества в целом. Имеют также популярность множественные международные нормы, направленные на организацию контроля выпуска и распространения табачных и алкогольных изделий, а также направленные на развитие физической культуры. Эти мероприятия имеют цель во всеобщем укреплении здоровья населения, и как следствие реализацию человека права на жизнь. Необходимо в качестве примера привести второй уровень (региональный), где была принята Конвенция о защите прав человека и основных свобод в 1950 году. Конвенция в статье 2 предусматривает запрет на умышленное произвольное лишение жизни. Был принят Протокол № 6 от 28.04.1983 к Конвенции [9] в котором прописывается упразднение смертной казни, применяемой в мирное время в качестве правового обязательства. Также был принят Протокол № 13 от 03.05.2002 к Конвенции [10] в котором прописывается отмена смертной казни во всех случаях за всякие деяния, также за деяния, происходившие во время военных действий либо при неотвратимой военной угрозе. Отметим, что такие обязательства также имеют характер факультативности. Это говорит о том, что страны могут в самостоятельном порядке определиться, присоединяться к нему либо нет, в частности Россия до настоящего времени так и не ратифицировала этот документ. Также вопрос об охране жизни закрепляется в других Конвенциях, принятых Советом Европы, рекомендациях и резолюциях Комитета Министров и Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Отметим некоторые из них:

- резолюция №1044 «Об отмене смертной казни», принятая 04.10.1994 г. [11];
- Европейская рамочная конвенция «О контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами», принятая 28.06.1978 г. [12];
- Европейская конвенция о пресечении терроризма, принятая 27.01.1977 г. [13];
- Конвенция Совета Европы по биоэтике, принятая в 1996 году [14].

Конвенции по биоэтике в статье 2, определяет, что права человека имеют приоритет среди иных прав.

В п. 1 ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод обязывает стран на законных основаниях охранять право человека на жизнь.

ЕСПЧ относит нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод к фундаментальным нормам. Статья 2 Конвенции считается особенной, так как оказывает защиту права человека на жизнь. Указанная норма имеет исчерпывающий список ситуаций, где допускается умышленное лишение жизни. Суд ведет строгий контроль в случаях, когда правительства-ответчики ссылаются на такие исключения. По мнению ЕСПЧ эта норма предоставляет гарантии основной ценности демократических обществ. Конвенция содержит в себе достаточно высокий стандарт для применения силы в допустимых частью 2 случаях «абсолютной необходимости».

Рассматривая положения Конвенции, необходимо обратить внимание, что толкование ч. 1 ст. 2 отличается в разных источниках. Такие деятели как, Д. Гомьен, Д. Харрис и Л. Зваак отмечают, что статья 2 которая содержит это право, а также Протокол №6, основанные на отмене смертной казни, не имеют в себе цели безусловной защиты жизни либо определенной гарантии качества жизни человека. Положения больше относятся к защите лица от произвольного лишения жизни государством [15, с. 14]. Такой деятель как С.В. Великоредчанина утверждает, что статья 2 не имеет в своем содержании самого права на жизнь, а лишь наделяет властей обязанностью оказывать защиту права человека на жизнь и запрещает намеренно лишать жизни [16, с. 16]. Необходимо отметить, что нельзя соглашаться с таким мнением о том, что право на жизнь является не позитивным обязательством государства, а более негативным. Это говорит о том, что «свобода жить», и в этом случае государство обязано предпринять все усилия для обеспечения свободы жить и без надобности не вмешиваться в пользование этой свободой». Статью 2 целесообразней было бы интерпретировать в более широком смысле, так как его цель заключается не только в законодательном обеспечении неприкосновенности жизни, но и на организацию профилактических действий тогда, когда лицо своими действиями ставит свою жизнь в опасность.

Таким образом, право на жизнь, отмеченное в статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, нельзя ограничивать только принципом государственного «невмешательства». Так, можно говорить о том, что ст. 2 Конвенция о защите прав человека и основных свобод определяет такие обязанности государства, предоставляющие гарантии предоставления защиты права человека на жизнь как:

- негативные;
- позитивные;
- процессуальные (процедурные).

Таким образом, рассматривая международно-правовые стандарты защиты права человека на жизнь, отметим, что государственные органы несут обязанность осуществлять деятельность по таким направлениям, как:

- 1) максимально исключить посягательства на жизнь человека;
- 2) не предпринимать действий, угрожающих праву человека на жизнь;
- 3) осуществлять благоприятные условия для реализации права человека на жизнь;
- 4) государствами использовать властные полномочия при посягательстве на жизнь человека.

Список использованной литературы:

1. Гаврилов В.В. Европейская Конвенция о правах человека и правовая система России: некоторые проблемы взаимодействия / В.В. Гаврилов // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия: сборник докладов. – М.: Институт права и публичной политики. – 2001. – 318 с.
2. Игнатенко Г.И. Международно-признанные права и свободы как компоненты правового статуса личности / Г.И. Игнатенко // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 98-102.
3. Глотов С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека / С.А. Глотов. – Саратов, 1999. – 610 с.
4. Международный пакт «О гражданских и политических правах» от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
5. Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.
6. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805 (дата обращения: 01.04.2021)
7. Лукашева Е.А. Социальное государство и защита прав человека / Е.А. Лукашева. – М.: Российская академия наук. Институт государства и права. – 1994. – 147 с.
8. Романовский Г.Б. Понятие и содержание права на охрану здоровья / Г.Б. Романовский // Гуманитарные науки и образование. – 2011. – № 3. – С. 105-108.
9. Протокол № 6 к Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540804/> (дата обращения: 01.04.2021)
10. Протокол № 13 к Европейской конвенции «О защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12130647/> (дата обращения: 01.04.2021)
11. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1044 «Об отмене смертной казни» от 04.10.1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2021)
12. Европейская конвенция «О контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901751649> (дата обращения: 01.04.2021)
13. Европейская конвенция «О пресечении терроризма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541141/> (дата обращения: 01.04.2021)
14. Конвенция Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2021)

15. Гомьен Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. Перевод с английского / Д. Гомьен, Л. Зваак, Д. Харрис; под науч. ред. Л.Б. Архипова. – М.: Изд-во МНИМП, 1998. – 600 с.

16. Гомиен Д. Путеводитель по Европейской Конвенции о защите прав человека. Совет Европы / Д. Гомиен. – Страсбург: Изд. Совета Европы, 1994. – 136 с.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Международный научный журнал

Выпуск № 7 / 2021

Подписано в печать 15.07.2021

Рабочая группа по выпуску журнала

Ответственный редактор:

Морозова И.С.

Редактор: Гараничева О.Е.

Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»
приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов,
аспирантов, докторантов, а также других лиц,
занимающихся научными исследованиями,
опубликовать рукописи в электронном журнале
«Правовая позиция».

Контакты:

Е-mail: donagra@yandex.ua

Сайт: <http://donagra.ru>

